

ВАЛЕРИЙ АЙРАПЕТЯН
ПАВЕЛ КРУСАНОВ
АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН
ГЕРМАН САДУЛАЕВ
РИЧАРД СЕМАШКОВ

Содержит
нецензурную
брань

КАРАНТИН
ПО-ПИТЕРСКИ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Павел Крусанов

Карантин по-питерски

ИД «Городец»

2021

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Крусанов П. В.

Карантин по-питерски / П. В. Крусанов — ИД «Городец»,
2021 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907358-12-6

В настоящей книге без изъятий и с минимальной редактурой представлена живая переписка, которая велась внутри группы петербургских писателей с марта по октябрь 2020 года. Уникальный документ эпохи. Содержит нецензурную брань.

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907358-12-6

© Крусанов П. В., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

В. Л. Айрапетян, П. В. Крусанов, А. С. Пелевин, Г. У. Садулаев, Р. В. Семашков Карантин по-питерски

© В. Айрапетян, П. Крусанов, А. Пелевин, Г. Садулаев, Р. Семашков, 2021

© ИД «Городец», 2021

От составителя

Как мы все уже поняли, 2020-й оказался, мягко говоря, необычным годом: войны, природные катаклизмы, ну и коронавирус, конечно. Понятно, что не все испугались новой жизни в застенках, которая была обусловлена эпидемией. Некоторые даже приняли её с воодушевлением.

Сложно не заметить, что в словах «писатель» и «карантин» количество букв одинаковое. Я и подумал: почему бы не создать первый в мире писательский карантинный чат? Все условия для этого были: отличные русские писатели, скоростной интернет и куча свободного времени.

Более того, всех участников чата объединил прекрасный город Санкт-Петербург.

Кто поучаствовал в моём хулиганском проекте?

Молодой и перспективный Александр Пелевин, который выделяется среди остальных своей активной деятельностью в социальных сетях: замечательный поэт, известный человек в «Твиттере», писатель, который работает в жанре мистического советского трэша. Эмоциональный парень – самый молодой писатель в этой книге.

Тонкий русский прозаик родом из Баку Валерий Айрапетян, которого многие знают как прекрасного рассказчика. Вот и в этой книге он проявил себя как мастер малой прозы, чьи письма больше напоминали литературные зарисовки, которыми он вряд ли поделился бы, если бы не наша переписка.

Маститый писатель и публицист Герман Садулаев, который вряд ли нуждается в представлении, так же легко и непринужденно вписался в этот чат. Без его ироничных текстов и откровенных мыслей у нас ничего бы не получилось, ну или как минимум вышло бы гораздо скучнее.

Один из отцов современной русской литературы Павел Крусанов тоже не побрезговал нашей перепиской и не без удовольствия рассказал, как проводит карантин в псковских лесах. Благодаря его имени в копии писем мы вели себя немного скромнее, чем могли, стараясь следить за словами, впрочем, это далеко не всегда получалось.

У всех нас разница примерно в десять лет, тем интереснее было понять, как мы можем существовать в рамках чата. Все мы так или иначе пересекались в любимом Питере, но никогда в рамках общей переписки.

Теперь мы знаем, что это такое – сидеть безвылазно дома и рассказывать друг другу о своей жизни. Иногда с фигой в кармане, иногда что-то приукрашивая или наоборот недоговаривая, порой со смехом, бывало, что и со слезами, честно и безжалостно, а порой мило и застенчиво.

Такие мы. А вы какие?

У вас есть возможность узнать, что такое карантин по-питерски. Завидуйте себе!

Ричард Семашков

27.03.2020

Ричард Семашков:

Всем привет.

Эту зиму я провёл в кировской деревне. Жизнь там размеренная и уютная: позавтракал, снег почистил, сына выгулял, почитал, пообедал, и дел больше нет. Приходилось раньше обычно выдвигаться в магазин за каким-нибудь горячительным напитком. На одной из таких прогулок мне пришла идея собрать нескольких писателей в чат. Общаться в этой деревне было особо не с кем, и, видимо, из-за этого подсознание подкинуло мне эту увеселительную идею.

Сейчас наступили занятные времена, когда из-за новой пандемии людям не рекомендуется выходить из дома. Сначала отменили концерты, кино и театр, а с завтрашнего дня нельзя будет даже зайти в бар. В Санкт-Петербурге стало примерно так же скучно, как в той кировской деревне, поэтому предлагаю вам, друзья, затеять переписку, чтобы скрасить наши деньки и, может быть, договориться до каких-то интересных тем.

Печатный разговор двух людей, несмотря на всю прелесть этого явления, явно успел устареть к 2020 году. Время требует больше собеседников, больше слов, больше диалоговых окон. Не будем говорить о том, хорошо это или плохо, просто примем как факт и создадим свою чат-книгу.

Было бы здорово, если бы вы рассказали, как проводите время на карантине. Что вы делаете? о чём думаете? что и во сколько вы пьёте? что читаете перед сном? курите?

Ваши письма не должны быть слишком большими или маленькими. Очердность может быть любой. Частота ответов тоже произвольная, но я надеюсь, что общение будет постоянным и не тягостным.

Мы будем первыми, кто создал подобное виртуальное место встречи в интернете и от души на нём потоптался такой славной питерской компанией:

Александр Пелевин

Валерий Айрапетян

Герман Садулаев

Павел Крусанов

27.03.2020

Александр Пелевин:

Спасибо, Рич, за отличную идею. Ты очень здорово придумал. Немного волнительно оказаться в такой компании крутых писателей, но, наверное, это чувство, отразившись в письме, добавит интереса происходящему.

Странное ощущение: ты начинаешь писать книгу, совершенно не зная заранее, о чем она будет, что в ней случится и к чему мы в итоге придем. Получится ли у нас документ нашей вздорной развеселой эпохи? Хроники происходящего вокруг безумия? Богословская беседа средневековых монахов во время чумы? Приятельское застолье? Все вместе?

Черт его знает, но будет интересно! Особенно интересно начать это именно сейчас. Сегодня 27 марта 2020 года, завтра в Петербурге на неделю закрываются все общественные заведения, бары и рестораны. Я выпил «последнюю пинту старого мира»: определенно, теперь

долгое время все будет совсем иначе. Навсегда – не навсегда, кто мы такие, чтобы предсказывать, но это уже происходит.

Тут, по идее, надо задать какой-то тон повествованию. Сложно! С одной стороны, мы на то и писатели, чтобы контролировать и направлять процесс, с другой – сама идея предусматривает, что мы ведем разговор – а он, как правило, возникает и продолжается сам, по своим несказанным канонам.

О, у нас же книга-чат. Можно начать с простого, что спрашивают обычно в дурацких чатах при знакомстве – «привет-как-дела-что-делаете».

Привет, как дела, что делаете?

Я вот сижу дома. Глажу кота. Пишу этот текст. Пью чай. Курю и слегка покашливаю – ничего страшного, я все время кашляю, я родился с кашлем, прямо сразу с папиросиной в зубах: ну что, молодежь, кхе-кхе.

Перемены в окружающем мире интересным образом совпали и с внутренними переменами: я ушел из журналистики и занялся сценарной работой. Продолжаю писать книгу, она наполовину готова, и действие в ней происходит – смешно – тоже в некоторой карантинной зоне. В этом совпадении вряд ли есть какая-то мистика, просто совпало.

Как вовремя расстался с журналистикой! Хочется отвлечься от новостей о происходящем, оградиться жесткой колючкой, чтобы не лилось в уши 24/7 все это лающее, кричащее, харкающее черной слюной, паникующее, циничное, все вот это, заматанное в тысячи масок, шумно дышащее, как Дарт Вейдер, но нет же, льется и льется. Работа в журналистике научила некоторой доле здорового цинизма, научила ограждать себя от всего этого, но сейчас как-то с трудом получается беречь свою маленькую миллилениальскую кукушечку.

Ну да прорвемся.

За этим интересно наблюдать. В твиттере один умный человек написал: оказавшись в центре извержения вулкана, можно обосраться от ужаса и умереть в собственном дерьме, а можно прочувствовать мощь природы и насладиться величиим момента. Вот второй вариант, думается, куда приятнее.

Как вы там?

Р. С. Рич, послушал «Есенина», очень круто, спасибо.

28.03.2020

Павел Крусанов:

Привет, Рич.

Я сегодня на неделю уезжаю в псковские леса – буду, как описано в Вашем послании, жить от завтрака до обеда. А если 4 апреля откроют весеннюю охоту, то задержусь еще на неделю. Утка, гусь, вальдшнеп – те еще бестии, с ними не заскучаешь. Одна беда – с интернетом там проблемы, едва качает, так что полноценного собеседника из меня не получится.

Пять дней назад отдал Левенталю¹ новую книгу рассказов, теперь в голове пусто – редкое состояние, когда думаешь не о тексте, а о чем угодно, и черт знает до чего можешь додуматься. Вот взять искусство – очевидно, что это форма консервации энергии, и мы это прекрасно чувствуем, слушая хорошую музыку и читая талантливый текст. И как мы этим пользуемся на деле? Писатель сочиняет истории – читатель платит за это деньги. Происходит трогательный

¹ Вадим Левенталь – петербургский писатель, издатель и публицист. Автор романа «Маша Регина» и сборника рассказов «Комната страха». Создатель и руководитель проекта «Книжная полка Вадима Левенталья». – *Здесь и далее прим. ред.*

обмен одного обмана на другой. Кто же в нынешние времена будет спорить, что деньги – один из самых великих обманов.

Читаю «Старшую Эдду». Оказывается, шестнадцатое заклинание Одина помогает соблазнить дев – овладеть их чистыми душами и покорить их помыслы. Семнадцатое окутывает девичью душу как паутиной. А восемнадцатое заклятие есть тайна для всех.

28.03.2020

Герман Садулаев:

Читаю Апастамба-йаджня-парибхаса-сутры в переводе Макса Мюллера, с комментариями бенгальского учёного, каковые комментарии Макс Мюллер тоже выборочно перевёл. Так вот, сутра 8 утверждает, что Риг-веду и Сама-веду следует петь во весь голос. В комментарии поясняется, что даже строки Йаджур-веды, если они содержатся также и в Риг-веде и в Сама-веде, должны воспеваться громко. Далее в сутре 9 говорится, что Яджур-веду следует повторять тихо. В комментарии поясняется, что если стихи из Риг-веды и Сама-веды попадают в Яджур-веду, они тоже должны шептаться.

Налицо коллизия правил. Риг-веда и Сама-веда предписывают всем своим стихам воспеваться громко. А Яджур-веда предписывает всем своим стихам воспеваться тихо. Но что делать, если один и тот же стих присутствует и в Риг-веде, и в Яджур-веде? Какая юрисдикция сильнее? А никакая не сильнее. Комментатор просто констатирует два противоположных установления. И никак не комментирует их противоположность.

Но что же делать правоприменителю? Воспевать ли такой стих громко или шептать?

Для наших европейских умов это неразрешимая загадка. Бенгальский учёный вполне спокоен на этот счёт.

В древнейшей Айтарея-брахмане написано, что солнце на самом деле никуда не «заходит», что земля типа круглая, и когда солнце в нашем полушарии «заходит», оно «восходит» в другом полушарии, а вообще оно никуда не заходит, и нигде не восходит, и вообще не движется, и это всё происходит только в наших глазах, якобы оно «путешествует по небосклону». Но так принято говорить, это такой поэтический образ, и всё нормально.

Через пару строк будет процитирован гимн, где в лучших традициях шаманизма солнце на колеснице с золотыми колёсами катится по синему океану небес, и весь вот этот пророк Илья с громыхающими телегами облаков, и прочая мифология.

Как сочетались прагматическое знание и поэтический миф в древнем уме?

Да так же, как и всегда сочеталось и сочетается. И свет одновременно волна и поток частиц. И вообще в мире совершенно нет никакой линейной логики. Логику придумал Аристотель. И вывел он её не из мира, а из языка. Но потом Витгенштейн увидел, что и язык тот ещё безграничный хаос, опрокинутый в наш ум. Или это был не Витгенштейн, а Лакан?

Ничего не надо пытаться понять своим умом, и языком своим ничего не надо пытаться рассказать или объяснить.

Но сегодня над Питером вышло солнышко. А завтра будет опять снег и минус четыре. Хорошего карантина всем.

28.03.2020

Валерий Айрапетян:

Герман в письме говорит о языке и солнце, о правилах и хаосе, о логике и её отсутствии, о мирном сосуществовании противоположностей.

Этот ряд подтолкнул меня поприветствовать вас, друзья, по-армянски.

«Барев дзес!» – восклицают армяне, приветствуя друг друга. Дословный перевод сего приветствия на русский таков: «Доброго солнца вам!» или даже «Добросолнца вам!», поскольку «бари» (добро) и «арев» (солнце) образуют здесь одно слово – «ба-рев». Этому словослиянию, вероятно, поспособствовало наличие «ар» в корнях слов, что, в свою очередь, не объясняет – почему утреннее приветствие «Бари аравот!» (Доброе утро!), имея тот же «ар» в составе слов, не сделалось одним словом «Баравот». И если предположить, что в первом случае язык, стремясь к экономии, объединил два слова в одно, то почему во втором случае не произвёл словослияния, следуя этой же логике? И если бы Язык существовал не через нас, странных и суетливых созданий, мечущихся между заполнением договора на получение потребительского кредита и вопрошанием о бытии, а был бы представлен в собственном теле, то что бы он ответил на этот вопрос и на многие другие?

– Язык Армянович, почему сократив «бари» и «арев» до «барев», ты не сократил «бари аравот» до «баравот»? – спросили бы его с интонацией, с какой работяги предъявили б посланному за водкой и купившему ноль пять, когда по акции выходил немногим дороже целый литр.

Краснел бы он, растирая носком ботинка несуществующий плевок на полу, или рассмеялся б нам в лицо, или, разодрав на груди футболку, воскликнул нечто вроде: «Да я за вас, суки, кровь проливал, пока вы тут!..»?

Александр во вчерашнем письме ошибся в дате, переместив день вчерашний из действующего календаря в прошлогодний. И эта опечатка вполне органично вписалась в первый день пока ещё не обязательного, но рекомендательного домоседства. Опечатка эта, точно греза, находящая на нас в минуты тревожных ожиданий (тревожиданий?), спасительное воспоминание о лёгких и светлых днях, которые, надеемся мы, ещё вернутся.

Спал я около полутора часов, так что день сегодняшней разделён с днём вчерашним посредством настолько узкой полосы, что язык не поворачивается назвать это деление разделением.

Вчера ездил к пациенту во Всеволожск, армейскому полковнику в отставке, а ныне – владельцу крупного производства. Проезжая на электричке мимо раскинувшегося на возвышенности большого кладбища, обратил внимание на полосу рыжеватой стоячей воды в низине. Налетавший ветер пускал по воде какую-то вязкую рябь, словно не по воде, а по киселю. И тут я вспомнил из прочитанного ещё в студенчестве учебника по судебной медицине, что части человеческого трупа (мышцы, кожа, мозг, молочные железы) во влажной среде без доступа кислорода вследствие омыления превращаются постепенно в жировоск, в то время как остальные мягкие органы сгнивают. И подумалось, что обильные в наших краях дожди, напитывая собой кладбищенскую землю, после стекают, образуя вот такие ржавые жирные топи. После мыслей об омылении пришёл на ум недавно прочитанный роман Миши Елизарова «Земля». И вот эта кисельная болотина, пролёгшая между вечным движением и вечным покоем, каким-то образом дополнила впечатление от романа, прибавила впечатлению веса. И тут же вспомнилось, как в учебном морге профессор Крикун попросил меня, второкурсника, достать из бака с 25 % раствором формалина препарат пищеварительной системы человека. И я, надев на обычные хирургические перчатки прозекторские (толстая резина, длинный рукав), опустил

руку в бак и шуровал в нём, пока не ухватился за пищевод, вытянув весь ЖКТ (килограмм двадцать, не меньше). Еле дотащил органы этого почившего Гаргантюа до прозекторского стола к вящему удовольствию профессора и польстившему мне ужасу, застывшему в глазах однокурсниц. Весь этот ряд образов, мыслей, впечатлений и воспоминаний длился секунды три-четыре, под стук колёс, несших состав вдоль кладбищенской ограды.

На всеволожской платформе невольно прильнул к решётке: на хорошо просматриваемом отсюда дворе лежали в свалку две горки: слева – обрубленные стволы в коре, а справа – свежесрубленные, срубленные в чашу, брёвна, пронумерованные на спилах. Голая древесина болезненно походила на человеческую плоть; заходящее солнце, смешивая розовое с жёлтым, только усиливало это впечатление. Словно одетые и голые покойники, сваленные в две кучи. Когда отпрянул от решётки, увидел, что по левую и правую руку от меня стоит дюжина сошедших пассажиров, зачарованно уставившихся на брёвна.

Работая с коленом пациента (несколько раз покалеченным на горнолыжных трассах), снова подумал о сходстве тела человека и тела дерева.

Сегодня во время обеда настойчиво звонили в дверь. Приём пищи в выходной день для всякого постящегося – праздник. Приготовил салат: нарезал кружочками стебли сельдерея, свежие огурцы-корнишоны, свежие шампиньоны, приправил сванской солью, ложкой соевого соуса и ложкой нерафинированного подсолнечного, перемешал. Сварил спагетти al dente, добавил острой аджики. Откупорил бутылку прекрасного, сильного, сухого вина из винограда Бобаль. Не успел сделать глоток, как трижды, с нажимом, позвонили в дверь. Жена встревожилась: «Не открывай!», и за интонацией этой просьбы таилось невысказанное: «Чума свирепствует, это, должно быть, пришли грабители – за едой, за золотом, за нами...» Уставился в глазок – сосед дядя Коля, отец Серёги. Серёге под пятьдесят, владелец двух машин, которые он, если не чинит, то тщательно намывает, если не намывает и не чинит, то разбирает и снова собирает. Машины стоят во дворе под моими окнами, и я часто становлюсь свидетелем этой страстной любви человека и техники. Серёга простой и надёжный, как уазик, но ездит на «вольво» и микроавтобусе «фольксваген». Четыре года не курил, а пару месяцев назад закурил, и закурил яростно, со страстью. Мы здороваемся, иногда обращаемся друг к другу за помощью.

Открыл дверь. Дядя Коля, морщась, будто проглатывал морского ежа, сообщил, что у Серёги инфаркт и через пятнадцать минут потребуется моя помощь – спустить сына на носилках (живут на четвёртом этаже). Выпил два бокала, поднялся к соседям. Подошли ещё мужчины. Врач кардиореанимации, молодой кавказец, расставил нас по периметру мягких носилок. Серёга лежал весь серый, точно осыпанный пеплом, и держал в руке пакет капельницы. Мы взяли и понесли. Пока спускались, врач давал Серёге команды: «Ножкамы пашэвэли!», «Глаза нэ закрэвай!» Вернулся домой и позвонил маме.

«Алло», – сказала мама.

«Барев дзес, мам!» – ответил я.

29.03.2020

Павел Крусанов:

Перед отъездом в псковские леса позвольте поделиться впечатлением от книги, которую вы, дорогие собеседники, вряд ли когда-то возьмёте в руки. Я и сам прочитал её лишь по долгу службы. А прочитав, испытал двойственные чувства, которые всегда испытываешь, знакомясь с сочинением европейского автора, посвящённого России и российской жизни, независимо от того, какая именно историческая эпоха жизни нашего отечества интересует сочинителя. Чув-

ства эти – добродушное веселье и недоумение. В своё время у меня в голове даже сложилось присловье: врёт, как француз, путешествующий по России. Однако к делу.

Речь о книге итальянской журналистки Ританны Армени «В бой идут ночные ведьмы». Этот автор вообще имеет стойкий и своеобразный интерес к России – прошлая её книга была посвящена отношениям Ленина и Арманд. Так вот, приступая к чтению книги («В бой идут ночные ведьмы»), повествующей о жизни, мечтах и подвигах советских девушек, сражавшихся во время Великой Отечественной войны с нацистами в составе 588-го ночного легкомобардировочного авиационного полка, надо иметь в виду следующее:

1) автор – не военный историк, специализирующийся на Второй мировой войне, и вообще не историк;

2) автор – итальянская журналистка, сообщающая своим соотечественникам неизвестные им исторические сведения невероятного характера;

3) автор – идейная феминистка, воспринимающая мир традиции как сугубо мужской и враждебный по отношению к порабощённой женщине, роль главной пружины социального прогресса в этом мире, разумеется, отводится эмансипации.

Отсюда следует, что перед нами не сухой научный труд – плод многолетних архивных изысканий, а непосредственная история, рассказанная живым пером, не чуждым эмоциональных всплесков и лирических отступлений. Ведь в Италии, как и во всём мире, журналистов не учат *обретать* знания, их учат *работать с информацией*.

Ританне Армени повезло – ей удалось встретиться с последней оставшейся на тот момент в живых «ночной ведьмой» (так немцы называли пилотов и штурманов 588-го авиаполка, бомбивших ночами на своих тихоходных У-2 вражеские позиции, армейские склады и скопления техники) – Ириной Ракомбольской. На основании материалов бесед с девятишестилетним ветераном, легендой Великой Отечественной войны Ириной Ракомбольской и написана эта книга. Используются здесь и публиковавшиеся ранее воспоминания других «ночных ведьм» – где-то в форме цитат, где-то в раскавыченном авторском пересказе. Есть здесь и цифры – количество боевых вылетов и сброшенных бомб, число не вернувшихся самолётов, – но не цифры тут главное. Главное – не отпускающее автора удивление перед очевидным фактом: во время Второй мировой войны в рядах советских военно-воздушных сил принимали активное участие в боях целых три авиационных полка, сформированных исключительно из женщин – от пилотов до техников. Невероятно! Нигде в мире такого больше не было. Оживший миф. Воскресшие амазонки. Все достижения западного феминизма вплоть до нынешнего дня в сравнении с этим фактом блекнут, как свеча на солнце полдня. Разумеется, поражаясь этой необычной истории, автор не делает вывода о небывалом торжестве эмансипации в СССР. Как можно – Сталин, репрессии, ГУЛАГ... Да и сами «ночные ведьмы», вероятно, удивились бы, узнав, что их стремление во что бы то ни стало бить фашиста и гнать его с родной земли кем-то интерпретируется всего лишь как этап борьбы советских девушек за равноправие с мужчинами. В частности, за «несравненное право – самому выбирать свою смерть».

Как и всякая журналистика, эта книга не претендует на глубину и в части военной хроники оперирует в основном известными фактами – впрочем, известными нам, а не итальянским читателям, на которых книга изначально была рассчитана. Кроме того, автор находится в плену расхожих представлений и штампов относительно как советской, так и российской истории и действительности. Запад из поколения в поколение использует их, чтобы обрести комфортную иллюзию понимания того, что на самом деле происходило и происходит в совершенно непонятной им стране. Ведь разобраться по существу не хочется, некогда, да и нет нужды.

В этой книге, слава богу, мы не найдем балалаек и медведей, но штампы о сталинской и путинской России тут и там на страницах оттиснуты. Без этого – никак. Что до нас, то российского читателя, как уже было выше отмечено, эта чепуха только забавляет. Как забавляло бы итальянского читателя сочинение русского автора об Италии, в котором все представления о

ней сводились бы к тому, что вандалы, готы (привет Герману) и прочие лангобарды, по очереди натянув на свою ногу итальянский сапог, обрекли этим страну на вековую дичь. Потому и римский папа испанских кровей Александр VI Борджиа, засучив рукава, предавался разврату и травил кардиналов, а кровавый режим диктатора Бенито Муссолини погряз в политических репрессиях во имя восстановления величия Римской империи. Да что там Борджиа и Муссолини: такова по сути вся многовековая политическая традиция Италии, которая наложила неизгладимый след на национальный характер итальянцев – они сделались скрытны и боязлив, оставив на виду лишь свое жизнелюбие и проворство. Ведь демонстративный гедонизм и ироничность вкуса – одна из утонченных форм защиты своей приватности, благодаря которым человек ограждается от печалей, страданий и вообще всего трагичного, серьезного, глубокого. Итальянцы, эти веселые остряки, пользуются иронией как театральным гримом. Они хотят, чтобы в них ошибались и не тревожили попытками добраться до нежной сердцевины.

Впрочем, оставим Италию, ей сейчас несладко. А автор, по-своему, всё же сделал полезное дело: европейский феминизм поставил в своей кумирне несколько новых изваяний родом из неведомой России. Возможно, после этого кто-то решится на следующий шаг – от простодушного идиотизма к живому интересу.

29.03.2020

Ричард Семашков:

«Ночные ведьмы» Павла Васильевича мне напомнили недавно прочитанную книгу-переписку французов Уэльбека и Леви. Купил я её из-за Уэльбека, к которому отношусь с большой симпатией, но и о Леви тоже кое-что слышал – он, типа, политический журналист и модный писатель.

Когда речь зашла о России, в которую Уэльбек мечтает вернуться, Леви порвался. «А я, – пишет он Уэльбеку, – ни в коей мере не хочу стать русским и вернуться в Россию».

Раньше он якобы чтит русскую духовность и защищал русскую культуру: в семидесятые-восемидесятые годы, когда ее (в смысле нашими) символами были Солженицын и Сахаров, славянофилы и западники, последователи Достоевского и Пушкина, диссиденты правого и левого толка, а также те, кто, по выражению знаменитого математика Леонида Плюща, не принадлежал ни к одному лагерю, но оказался в лагере за колючей проволокой.

Ну а дальше он во всех подробностях рассказывает о войне в Чечне; про Анну Политковскую; про банды расистов в Москве; про избиение китайцев в Иркутске и дагестанцев в Ростове; про партию «Наши» («сборище сталинистов и фашистов»); про Ирину Аллегрову в форме надзирательницы (съемка в журнале); про «Список замаскированных евреев», где свалены в одну кучу Сахаров, Троцкий, де Голль, Саркози и Юлия Тимошенко, деятельница украинской великой «оранжевой революции».

И так до бесконечности.

Уэльбек, как профессиональный тролль (уступающий разве что Герману Садулаеву), немного попытался сбить пыл с земляка и кроме всего прочего настоял на том, что Чечня – это всё-таки личное дело России, а не Леви. На что Бернар ответил: если президент страны говорит, что готов лично мочить в сортире каждого подвернувшегося чеченца, то это становится его личным делом.

На этом моменте я наконец-то понял, для чего читаю эту книгу. Чтобы смеяться!

Что же касается моего бутерброда с колбасой, который я сейчас ем, то он вкусен, но даже им бы не стали лакомиться кошки, которые живут в нашем дворе.

Когда мы с женой и сыном заселились в пожарную башню (говорят, что она аж в 1823 году была построена), где этаж – это одна полноценная квартира, то обнаружили, что в нашем закрытом дворе живёт более десяти кошек. В первый день я купил им кошачьего корма и, когда высыпал его в миску, увидел, как три толстых существа максимально вальяжно двинулись к ней, а один даже понюхал то, что я ему предложил. Есть он это, конечно же, не стал.

Оказалось, что они питаются молоком, рыбой и свежей куриной печенью, а кормильцев у них столько, что лучше в эту очередь не вставать.

Валера в своём письме поднял тему смерти. Так вот, я совершенно уверен, что коты, которые хорошо вели себя при жизни, после смерти попадают в наш двор.

Павлу Васильевичу желаю доброй охоты. Надеюсь, что до псковских лесов будут доходить наши письма, и, может быть, даже на ответ хватит интернета.

Сашу благодарю за отзыв на «Есенина».

Пока писал, в плейлисте зазвучала песня Гаврилы Лубнина, который как раз сделал совершенно очаровательную обложку для этого альбома.

29.03.2020

Александр Пелевин:

Очень стыдно, но сейчас не читаю почти ничего нового. Перечитываю «Дневник неудачника» Лимонова и смотрю запоем кино – прямо потоком, фильм за фильмом. Три раза ходил на «Джентльменов», это какой-то удивительный визуальный кайф, теперь хочу купить кожаный пиджак, как у персонажа Хью Гранта.

Надо больше читать, а то появляется ощущение, будто потихоньку тупею и деградирую. Это чувство подкрепляется тем, что уже полгода не пишу стихи. Это вот совсем грустно. Да, были такие периоды, но сейчас четкое ощущение, когда ловишь себя на мысли: «Я больше не поэт». Вот такого не было. Хочется верить, что это не так. Это грустно. Ловлю в стихах какое-то удовольствие, которое можно назвать нарциссическим, но вообще, наверное, нет. То есть нарциссическое удовольствие тут действительно есть, но ты еще и ловишь кайф от того, как это воспринимают люди и как это действительно влияет на их чувства. Вспомнил, как читали с Аней Долгаревой² для бойцов батальона «Призрак» под Луганском, и ребятам тогда очень здорово зашли именно смешные матерные стихи. Про голубя там, про кота. Потом на обратном пути парень с автоматом долго смеялся над стихотворением, посвященным Иосифу Бродскому и его анекдоту про Антонио. Он рассказывал его в одном из своих последних видеоинтервью. А еще кайф – когда ты пишешь что-то, ходишь кругами, думаешь, откладываешь в долгий ящик, забываешь, вспоминаешь, чешешь затылок, а потом вдруг р-р-раз – и у тебя ПОЛУЧАЕТСЯ. Прямо вот что-то такое, от чего сам до потолка прыгаешь. Провел вчера четырехчасовой поэтический вечер в онлайн, через сервис Twitch. Хотел часа два, но публика подобралась совершенно замечательная. Со мной была бутылка Джим Бима. Все восторгались котом, который внезапно запрыгивал на стол и терся об меня мордой. Играл на гитаре (очень плохо играл) Веню Дркина и Олега Медведева. Кота зовут Мелкий. Он любит скакать и тереться мордой. Вру, что не читал ничего нового. Вспомнил, что как раз на неделе прочитал «Смерть замечательных людей. Сделано в СССР» Алексея Паевского и Анны Хоружей. Очень страшно читать о смерти Ленина. Там есть одна из последних фотографий вождя с совершенно обезумевшим взглядом.

² Поэтесса и журналистка. Лауреат Григорьевской поэтической премии (2019).

Интересно, что Ленин, состояние которого стремительно ухудшалось в последние годы, после каждого припадка и инсульта почти всякий раз восстанавливался: снова мог ходить, читать и даже учился писать левой рукой. Вот что он сказал после одного из припадков с полной потерей речи и параличом: «Сразу почувствовал, что в меня вошла новая сила. Чувствую себя совсем хорошо... Странная болезнь, – что бы это могло быть? Хотелось бы об этом почитать».

29.03.2020

Герман Садулаев:

СИЛЬНО ГРОМЧЕ

Хоронили недавно бабушку моей дочери, мать моей бывшей супруги. В Великом Новгороде, на старом кладбище. Отпевали в церквушке XIV века. Батюшка был добрый, внимательный. Не только в церкви отпел, но и на кладбище поехал, и над могилой стоял. По ходу обрядов всё объяснял. Говорил про вечную душу. А земля была сырая, тяжёлая. Липла к башмакам кладбищенская земля. И ведь плохая примета, надо смыть, обязательно смыть, нельзя кладбищенскую домой нести. Но негде. Обещали ещё и дождь, но дождя не было, небо смилоствилось. Солнышко светило. Но земля была всё равно мокрая. Здесь всегда земля мокрая. Места такие. Чудь белоглазая, болота, палая листва да мох по кочкам. Погост перенаселён, как узбекская дворницкая, но люди всё русские: Смирновы да Соболевы. У каждой семьи участочек в три могилки, а похоронено девять, одиннадцать или пятнадцать. Друг над другом, этажами. Надгробие или ставят другое, с новой фамилией, после каждых похорон либо на старом надгробии добавляют строчку. Бабушку тоже положили в родовой склеп, в могилу матери, сверху. Говорят, копщики докопали до крышки гроба и на том встали. Опустили гроб в яму, стали привезённый сухой песок горстями кидать. Я вместе с песком листочки священного дерева со Святой земли в могилу опустил. До конца стоять не стал, ушёл. Батюшка пел, рассказывал. У ворот сторожа повстречал, говорю ему: как же так? Сторож рассказал. Кладбище старое. Старые люди знали, где устроить погост. Не то что нынешние. Нынешние как кладбище делают? Землеотвод. Какой вам отвод, если земля не кладбищенская? А какая кладбищенская? – говорю. А он: ты разве не слышал? Мать сыра земля. Вот это она и есть. Сыра земля, тяжела земля, такая нужна для кладбища, не зыбун-песок перекаати-поле. Почему? – говорю. Потому. Гроб закопанный на своём месте никогда не лежит. В ином грунте его наверх толкает, ты гроб закопал, а он наружу лезет, всплывает. В ином его в сторону несёт. Закопал своего деда, а через полвека он под чужим крестом, а того, кто под этим крестом был закопан, вообще за ограду вынесло, будто он самоубийца! А приходят канаву рыть, телефонный кабель класть или газовую трубу, а там домовина истлевшая и костяк. Что, кто копал? Никто не копал. Принесло. Потому что под землёй тоже идут движения, и воды движут, и сама земля не ровно лежит. А сыра земля тяжела. В ней гроб идёт прямо вниз. На полметра за год, бывает, уходит. Ровно вниз. Вот! В глубину идёт на своём участке. А потом сверху можно подзахоронить кого, особенно если родной. У нас тут верное кладбище, потому родня в пять этажей лежит. И долго? – спрашиваю. А не долго. Двадцать лет, и можно новую могилу копать, до крышки старого гроба как раз дойдёшь, и хватит. А, говорю, те, которые двести лет назад похоронены, они где? А от них ни крестов, ни памятников не осталось. Однако они тут же все и лежат на глубокой глубине. А над ними семья, потому что здесь фамилии есть, которые веками на одном кусочке

кладбища хоронят, главное, чтобы хоть один остался, который помнит: где наша сыра земля. Вашу-то бабушку тут знают. И ждут уже. Старая фамилия, известная. А сам откуда будешь?

Тут только понял, что такое родина. Мать сыра земля. Грязь тяжёлая, в которую вмесят твой прах. К праху щуров и прашуров. Стало тоскливо, захотелось вылететь в трубу и стать пеплом над синей водой.

Но сторож утешил. Говорит: учёные открыли, что под всякой землёй есть подземное море. Вот ты говоришь, двести лет. Двести не знаю, но, может, триста или четыреста лет от нашего ильинского кладбища кости падают с подземного потолка в подземный мировой океан. А там, говорят, течение, уносит кости подземной рекой прямо в Святую землю. Под холм Голгофы, который с крестом. Видел икону? Там под холмом череп и кости. Вот это они и есть, наши кости, с древней России, с Новгородской земли. Там все вместе и упокоимся. Пока трубы не протрубят. Но не те трубы, по которым нефть или газ. А те, которые как пионерские горны. Только громче. Сильно громче.

30.03.2020

Павел Крусанов:

Жизнь – такая бестия, её хлебом не корми, дай только посрамить наши планы. Вчера мой план с отъездом в псковские леса был жизнью посрамлён: позвонил Сергей Коровин³ и попросил помочь ему перевезти на съёмную дачу складной теннисный стол – госпожа хозяйка велела исполнить, а в его машину стол не влезает. Не то чтобы меня часто используют в качестве ездового животного, но бывает. Именно тот случай. Долетели по Скандинавии до Кирпичного и даже дальше, потом вернулись. А день в самом разгаре – не расставаться же. Иначе с какой стати нам называться друзьями. Поставил машину и пошёл к Коровину в гости – мы живём неподалёку, в соседстве. Тем более, что госпожа хозяйка после нашего возвращения оставила вахту и сама усвистала на дачу. А вахта – потому что чёрная, как смерть Вселенной, скотчиха Ром-ми, чемпион породы, у Коровина недавно родила, и в квартире – детский сад. Три щеночка: два вороних парня и рыжая деваха – так чудит природа, нам это Мендель на горохе объяснил. Смешные – уже прозрели, но ещё ползают, задницу от пола не оторвать. Поумилялись, потом пошли за стол – Коровин сварил постные щи, а я принёс виноград и кумкват в надежде на фруктовую пестринку. У Коровина всегда наготове стоит в углу пятилитровая канистра водки – какого-то сказочного свойства, поскольку никогда не заканчивается. Словом, погневили Бога. Хозяин – прекрасный собеседник, рыбак по призванию, филолог по судьбе. И чувство юмора у него своеобразное: уверял, что в армии (он служил в десантной бригаде на самоходке) с двухсот метров мог сбить снарядом спичечный коробок, поставленный на плечо солдата. Вечер был хорош, расходиться не хотелось, но всё же разошлись после того, как я припомнил назидательную историю о вреде пьянства. Однажды в начале нулевых иркутского писателя, публиковавшегося под псевдонимом Шаманов, в числе других отечественных авторов пригласили в Париж на гоголевскую литературную тусню. Из самолёта в аэропорту его буквально вынесли – то ли он запил накануне, то ли в самолёте – мы летели разными рейсами: Шаманов – из Иркутска через Москву. На паспортном контроле он начал задирать негра, а когда подросли жандармы, затеял с ними драку. Его приняли за террориста, скрутили и пристегнули наручниками в жандармском отделе. А дорожную сумку Шаманова, брошенную на контроле, на всякий случай расстрелял робот. На гоголевской тусне он так и не появился,

³ Петербургский писатель, видный участник ленинградского литературного андеграунда, автор романа «Прощание с телом».

говорят, так и просидел пристёгнутым три дня, пока не подали самолёт, на который у него был обратный билет.

Сегодня отдыхаю. Завтра – вторая попытка добраться до леса.

30.03.2020

Александр Пелевин:

Вспомнил, как жизнь однажды очень мощно посрамила мои планы. Долгое время я занимался военно-исторической реконструкцией: это когда взрослые мужики наряжаются в форму – в данном случае Второй мировой, – бегают по лесам и стреляют из охлажденных винтовок. Давно уже, к сожалению, не выхожу на мероприятия, а недавно примерил свои красноармейские штаны и с ужасом заметил, что не влезаю в них. Надо худеть. Хотя бы ради возвращения в реконструкцию.

В 2012 году мы поехали в Брест на реконструкцию битвы 22 июня. Это было долгое трехдневное мероприятие. Мы встали двумя лагерями возле крепости – РККА и немцы. Все было как надо: шлагбаум, грузовики, построения, выдача винтовок (через границу провозить нельзя, и нам выдали свежие охлажденные мосинки от Минобороны Белоруссии).

Вечером 21 июня гуляли в форме по Бресту. По РККА, разумеется. Немцам в форме по Бресту гулять не очень.

На этой прогулке был еще смешной случай. Возле крепости мне приспичило посетить сортир. Забежал в общественный туалет недалеко от крепости и с ужасом заметил, что ни в одной из кабинок нет туалетной бумаги. Вот это беда. Что делать? Вышел из кабинки, оправил ремень, поправил нквдешнюю фуражку, прямо во всем этом подошел к такому типичному белорусу – будто из группы «Песняры», с седыми усами.

– Извините, – говорю. – Но у меня к вам очень глупый вопрос. У вас совершенно случайно нет туалетной бумаги? Или, может, рядом есть магазин?

Напоминаю: я в форме внутренних войск НКВД.

Белорус улыбается и отвечает совершенно спокойно:

– Да, конечно, есть!

Подводит меня к багажнику своей машины и дарит два рулона.

А потом была страшная история.

Сам бой был назначен, кажется, на 5 часов утра. Ночью перед мероприятием не спалось – при том, что я даже и не пил. Долго пытался уснуть на неудобном вещмешке, в конце концов вроде бы смог. Сквозь сон услышал голос: «Застава, в ружье!»

Значит, началось мероприятие. Я встал, надел фуражку, взвалил на плечо винтовку, сделал шаг из палатки и...

И ничего не помню. Чернота.

Я пришел в себя, сидя на пеньке посреди леса. Вокруг стояли солдаты, а прямо передо мной – человек в форме СС. Он светил мне фонариком в лицо и спрашивал, кто я.

А я не помнил, кто я. Вообще не понимал, что произошло.

– Я из Бреста, – говорю первое, что пришло в голову.

Приходит врач, вкалывает в жопку аминазин. Меня увозят. В машине рассказывают, что я вышел из палатки, потерял сознание, упал и забился в судорогах.

После МРТ в больнице врач пришел к выводу, что эпилепсии у меня, скорее всего, нет, просто я пережал синокардидный нервный узел, пока лежал на вещмешке.

Мероприятие, в которое было вложено столько сил, денег и времени, я, разумеется, пропустил, пока сидел в больнице.

Берегите здоровье!

30.03.2020

Павел Крусанов:

Что меня всегда удивляло в отношении человеческих привязанностей и пристрастий, так это внутренняя невозможность выстроить свои собственные по ранжиру (охота, литература, жуковедение, дружеская пирушка и т. д., включая даже и влюблённости). В постороннем человеке всё вроде бы просто разложить по полочкам – сила побудительных мотивов поддаётся измерению. Так, во всяком случае, мнится. Да и у себя можно разумом постичь: это – столбовой хайвэй, а это – тропинка для одиноких мечтаний. Однако градус эмоциональной значимости изнутри принципиально неизмеряем – всё дорого, всё важно. Долго полагал, что причина в малодушии, моём собственном малодушии, но потом в голову пришло такое соображение: вот у меня две руки... Нет, лучше не так. Вот у меня на руке пять пальцев (не только у меня) – какие-то из них более значимы для повседневности, какие-то менее. Большой, указательный и средний, определённо, более важны для любого рукоделия, нежели безымянный и мизинец. Но вот дошло дело до членовредительства – если попробовать оттяпать себе любой из них, то боль будет неотличима. Боли всё равно, могу я в обыденности легко обойтись без того или иного пальца или это будет затруднительно – телу, защищающему их обещанием равного страдания, они милы одинаково. Я очень живо себе это представил, и с тех пор пристрастия уживаются внутри относительно мирно.

31.03.2020

Валерий Айрапетян:

А мне ночью приснился кошмар: в чужом старом доме смотрюсь в большое зеркало, а позади меня тоже зеркало, в котором отражается мой затылок. И вдруг в зеркале, что позади, голова начинает медленно поворачиваться, совершенно игнорируя тот факт, что сам я стою недвижно перед зеркалом, уставившись на своё отражение. Когда явь и так множит кошмары, а вирус подбирается к тебе со скоростью снаряда, пущенного «саушкой» Сергея Ивановича по спичечному коробку, страшиться во сне собственных, пусть и живущих каждое своей жизнью, отражений – непозволительная роскошь. Вот я и проснулся. Но осадок остался. Написал «осадок» и вспомнил вот что: как-то пациент угостил морсом из красники – сахалинского эндемика. Морс тот имел богатый и сложный вкус, оставлявший после глотка, на выдохе, какую-то до боли знакомую нотку, немного приторную, но не противную. И вот я пил его всякий раз, когда приезжал на адрес, и дивился его вкусу и ещё тому, что это кладёшь витаминов и почти что эликсир бессмертия (со слов пациента). Но разгадать финальную ноту всё же не удавалось. До тех, правда, пор, пока угощавший вскользь не обронил, что в народе краснику называют ещё «клоповкой». Тут всё сразу и прояснилось и остаточный привкус из приторно-приятельного мгновенно обратился в тошнотворный, потому как отдавал раздавленными клопами. Угощаться им на некоторое время я перестал. Спустя пару месяцев решили с пациентом после процедуры распить ноль семь вискаря, и за неимением обильной закуски развели водой краснику под запивон. И будто заново её распробовал! Даже имея в мыслях клопов, уже не так противился послевкусию, а в следующие разы уже и не замечал его.

Каждое утро, после умывания, имею привычку растирать всё тело по методу Бадюка; растёршись, надавливанием запускаю активные точки. Называю это «вторым пробуждением», потому как остатки сна разлетаются быстрее, чем от трёх, выпитых одна за другой, чашек ристретто.

Жена сраженного инфарктом Серёги прислала смс, что тому провели операцию стентирования и состояние соседа теперь стабильное. Слава богу! Операция эта, помимо высокой эффективности, удивительна ещё тем, что стент продвигают катетером к сердцу через бедренную артерию.

Прочитал на «Фонтанке» поразившее меня большое интервью со священником-протоиереем по фамилии Анцибор. Священник этот, настоятель храма, спустя четверть века служения Господу заявил, что больше в Бога не верит, уходит из Церкви и подал в епархию заявление о самоличном сложении с себя сана священника в связи с изменением мировоззрения. Мол, вы там без меня рассудите по вашим понятиям, главное, человека пришлите, ключи от храма передать некому. Анцибор рассказывает, что после того, как ознакомился с трудами учёных-материалистов (в основном – психологов), в числе которых Доккинз, Фрейд, Кандел, Эриксон и др., а также пообщался с представителями других сект (и православие, и иные религии он именуется в интервью сектами), туман в его голове рассеялся, пелена спала с очей и он сделался убеждённым материалистом и, наконец, счастливым человеком: «В церкви все грустные, все одинаковые», – жалуется он журналистке. На сопровождающих интервью фотографиях – упитанный человек средних лет. Он взирает уверенно и как бы радостно, но нечто бессмысленное в этом взгляде побеждает эту уверенность и эту радость. Как улыбка умирающего от онкологии старика, впервые посетившего Диснейленд. Чем-то нехорошим повеяло от этого интервью, обдало гадким каким-то ветром. Чем он будет теперь заниматься? Неужели, думалось мне, отслужив четверть века жрецом, призывая на литургиях Святой Дух сойти на Святые Дары, дабы свершилось преложение, молясь о спасении живых и упокоении мёртвых, венчая и крестя, исповедуя и отпевая, он, осознав себя атеистом, пойдёт работать в компанию по продаже соков, картона, гвоздей, сотовых телефонов? Помнится, год назад некий московский психолог либерального исповедания написал в фейсбуке пост о том, что в моменты объятий со своей пятилетней дочкой испытывает сексуальное возбуждение и эрекцию и не считает это отклонением, а вполне себе естественной реакцией. А тем, кто за это его осудит – стыд и срам, ибо лицемеры, ватники, мракобесы и путинисты. И под постом много одобрительных, сродни похлопыванию по плечу, отзывов, типа: «Странно, что в 21 веке живут ещё люди, которые не понимают таких очевидных вещей. Спасибо Вам за Вашу свободу и искренность!» Испытал тогда нечто схожее с тем, когда двенадцатилетним юнцом, в Армении, раздавил забежавшего в помещение большого тарантула и тот звучно хрустнул под тонкой подошвой кед всеми своими мохнатыми конечностями: побежали вдоль позвоночника мурашки, и нестерпимо захотелось под горячий душ. После интервью священника ощутил – нет, не оттенок отвращения, – а именно что холодок, как от встречи с отделившимся от меня отражением в том кошмарном сне. Ещё один тайный (а тайный ли?) знак, свидетельствующий о быстром и необратимом изменении (исчезновении) мира.

Днём жена созвонилась по делу со знакомой заведующей хирургическим отделением в крупной городской больнице. Та, не скрывая растерянности, поведала, что врачи отказываются выходить на дежурства из-за страха перед заражением. Говорит, что ничего уже не понимает, прежде представить такое было невозможно.

Приготовил на обед тушёные овощи с соевым мясом. Мясо сие чистой воды симулякр, не такой, конечно, как безалкогольное пиво, хотя и недалеко от него ушло. Получилось, тем не менее, вкусно. Долго тушил лук, морковь, сладкий перец, томаты, чеснок. Параллельно варил, а после поджаривал шницели из лжемяса. Сделал соус из томатной пасты, соевого соуса, сахар-

ного песка, сванской соли и чёрного молотого перца. Всё перемешал, потушил минут пятнадцать, столько же дал настояться. Женя Алехин⁴, веган всяя Руси, заценил бы.

01.04.2020

Герман Садулаев:

Соевое мясо да, именно так и надо готовить. Другого мяса я не ем, потому соевое помогает, когда хочется чего-то животного, зверского. Вот, например, всему миру давно и сильно хотелось третьей мировой войны. Но подошла и пандемия летучемышачьего гриппа, как заменитель, или, говоря по-научному, субститут. Теперь по поводу субститута. Раньше люди делали человеческие жертвоприношения, что логично. Потом человека в качестве жертвы стали заменять животным, как правило козлом. Поэтому женщины, когда хотят обидно назвать своего мужчину, называют того «козёл». Хотя сам по себе козёл, в общем-то, вполне безобидное животное. Потом субституту животного в жертвоприношении стал хлеб. Иисус преломил хлеб и сказал: вот вам моя плоть, жрите, это на всех. Чего вам ещё надо? Однако Иисуса всё же распяли.

Мой друг написал мне сегодня в ватсапе. Говорит, все десятилетия Россия была беременна революцией. Ходила с большим животом. Но роды не состоялись. Оказалось, это было просто вздутие. Закончилось всё пердежом и поносом.

Мы хотели штурмовать Зимний. А там музей.

Посмотрел два фильма про вампиров. «Гордость и предубеждение и зомби»: мелодрама по классическому роману с сохранением мелодраматической линии и диалогов из книги, просто добавлены зомби. Очень смешно. И «Натуральные упыри», в оригинале «Eat local» – «Ешь местное» (проводилась такая кампания в Америке-Европе, чтобы супермаркеты закупали, а люди потребляли продукцию местных фермеров). Тоже очень смешно.

А утром под окнами у нас громкоговорители орут: граждане, сохраняйте спокойствие, не выходите из дома, каждый вышедший из дома приравнивается к вурдалаку и согласно новому закону будет убит казачьими патрулями осиновым колом в сердце или серебряными пулями Росгвардии. Вот не думал я, что доживу до массового безумия и воплощения в жизнь сценариев зомби-апокалипсиса. Дожил, слава богам. Теперь другая задача: пережить.

01.04.2020

Валерий Айрапетян:

Странно, но замечательное «кладбищенское» письмо Германа каким-то образом ушло в папку «спам» – в своего рода чистилище Почтового ящика. В этой аналогии папку «корзина» можно рассматривать как могилу, куда закапывают мёртвые письма, но с функцией возможного воскрешения к жизни (в зависимости от ценности содержания – «души» письма): быть перемещённым в папку «входящие» и даже помеченным флажком избранности. Есть у «корзины» и функция повторной (или как говорит Писание – «второй») смерти, когда удаление (из

⁴ Евгений Алехин – создатель реп-групп «макулатура» и «ночные грузчики», глава издательства «ИЛ-мьюзик», автор книг «Рутин», «Ядерная весна» и др.

числа уже удалённых) является актом окончательного и необратимого выдворения за пределы самой возможности быть помилованным и возвращённым в жизнь.

01.04.2020

Герман Садулаев:

Несколько различных групп аборигенов от Африки до Полинезии считают, что умершие бывают в двух или более статусах. Первые умершие – это «живые мёртвые» – те, кто умерли недавно или даже давно, но которых помнят, регулярно поминают, чьи черепа держат у себя дома и так далее. Они рядом и участвуют в жизни живых. К ним можно обращаться за помощью и советами, как к соплеменникам. Но рано или поздно каждый «живой мёртвый» переходит порог в смертную смерть и становится по-настоящему мёртвым. Это не значит, что покойный исчезает из жизни племени. К нему по-прежнему можно обращаться. И обращаются, если он был великим. Только теперь к нему уже не придёшь как к соплеменнику, ныне он с предками и богами и ему следует поклоняться как богу.

Некоторые наши соплеменники очень хотят Ленина похоронить, закопать его череп в землю. Сталина они уже похоронили. В результате Сталин стал предком и богом. Давайте Ленина тоже закопаем. Они там встретятся. Будет сразу два мёртвых бога у нашего племени – Ленин и Сталин. Один череп хорошо, а два лучше. Давайте, рискните. Посмотрим, что получится.

03.04.2020

Ричард Семашков:

Поставил турку на огонь. Уже второй раз за день.

За последние пять часов послушал песни следующих музыкантов: Benjamin Clementine, Rabbit Rabbit, Lykke Li, Charles Wright, Franz Ferdinand, King Pima Wolf & Big Medicine, Blonde Redhead, Michelle Gurevich, Tom Waits, King Crimson, Anna Calvi, The Raconteurs, Carla Bruni, Joy Division, Yukno, Hot Shooters, Childish Gambino, Fun Lovin' Criminals, Skip Marley, Bob Marley, Daya, Туга, Graham Coxon, Anderson.Paak, AWOLNATION, Die Antwoord, Iggy Pop и даже Земфиру (она выпустила новую песню «Крым»).

Пока перечислял, чуть не сбежал кофе. Я его поймал. И кинул в него дольку лимона. Сахар, конечно же, в него не добавил – никогда не добавляю. Как и соль. Люди говорят, что мёд в кипятке теряет свои полезные свойства, поэтому его я ем вприкуску. Мёд гречишный.

Поскольку у меня нет своего жилья и перевозить вещи в каждую новую арендованную квартиру напряжно, я давно продал свой ламповый усилитель с двумя большими колонками и теперь слушаю музыку из небольшой беспроводной колонки Marshall, которая стоит на широком кухонном подоконнике. Она лучшая в мире беспроводных колонок.

Не подумайте, что я сидел пять часов на диване и, закрыв глаза, слушал музыку. Музыка почти всегда играет в доме, чем бы я ни занимался. Каждое утро я шарюсь по разнообразным паблкам и смотрю, какие новые альбомы вышли. Если ничего интересного не попадается, то я возвращаюсь к своим плейлистам и любимым исполнителям или включаю радио («Серебряный дождь», «Джаз» или «Рокфм»). Писать и читать я тоже люблю под музыку (бывает по-разному, но если звучит иностранная музыка, то она не мешает сконцентрироваться на тексте).

Моему сыну два с половиной года, и за свою короткую жизнь он успел выработать отличное чувство ритма, и, если он украл со стола ложку и долбит ей по полу, то, как правило, это не сильно отвлекает от самой песни, скорее дополняет её.

Если жена начинает напоминать о своём существовании, прося тишины, я ловко переключаюсь на что-то спокойное и уступаю ей пару децибелов. Она однолюб и если по собственной инициативе слушает музыку, то, скорее всего, будет звучать голос Леонида Фёдорова.

Сейчас она сидит рядом и читает вторую подряд книгу Саши Пелевина. Когда я выходил покурить в парадную, она сразу же выключила звук, но вот я вернулся и прибавил его обратно – она хмыкнула, зато теперь на кухне звучит мой любимый King Krule.

Что касается сегодняшнего чтения, то я прочитал эссе Павла Крусанова и Германа Садулаева из книги «Как мы пишем».

Получается, что в мыслях моей маленькой семьи так или иначе присутствуют все обитатели этого чата (Валера никем сегодня прочитан не был, но я всегда держу его в уме).

Час назад было чистейшее голубое небо, а сейчас хлопьями валит снег.

07.04.2020

Валерий Айрапетян:

Музыку слушаю всё реже. Ещё несколько лет назад слушал каждый день и помногу, запросто читал и писал под музыку, искал новых исполнителей. Большинство не впечатляли, кто-то нравился, в кого-то влюблялся, и если такое случалось, то любовь эта тянулась на годы: я из тех, кто больше любит перечитывать, переслушивать, пересматривать. К тому же, то внутреннее существо, чувственное и нежное, злое и решительное, пробуждаемое к жизни посредством музыки и проносающимися образами – памяти ли, мечтаний ли, – стало всё реже пробуждаться музыкой и всё чаще чтением и иной работой ума. Много прослушиваю лекций по медицине, астрономии и астрофизике (любовь детства: вместо сказок отец рассказывал на ночь истории (на самом деле настоящие лекции), посвящённые рождению звёзд и планет, чёрным дырам, квазарам, скорости света и законам гравитации). Но и музю, конечно, слушаю. Последнее открытие – Бенджамин Клементин. Легко перехожу с моцартовского «Реквиема» (фонкараяновский вариант) на Билли Айлиш, с неё на Анну Герман, с Герман на Летова, с Летова на армянские народные. Люблю хор братии Валаамского монастыря, псалмы Давида, исполненные на арамейском схиархимандритом Серафимом Бит-Хариби. Люблю барабанные соло – будь то соло на установке или на армянском дооле. Радуюсь новым открытиям и не печалюсь, если что-то не дослушал, не прослушал и не посмотрел (сериалы почти не смотрю, но те, что смотрел, нравились все). Ещё вот о музыке. Недавно битый день искал наушники, не нашёл и уже смирился с потерей. Основные версии: либо потерял, либо сынок припрятал в один из своих тайников. Поставил стирку – быструю, сорок градусов, плюс полоскание и отжим. Когда принялся развешивать, вытянул из постиранного вороха белую раздваивающуюся нить, утяжелённую на концах пластиковыми каплями. Подключил к телефону. Вдел капли в уши. Включил первый попавшийся трек (Дэвид Грей, «Кэтрин»). Наушники, вопреки всяким ожиданиям, выдали отличный звук. Хотел подколоть жену, предупреждавшую меня на днях, что умываться в наушниках не стоит, ибо одна капля воды убивает пятьсот наушников. С таким ещё видом сказала, мол, странно, что ты, о мой муж, не в курсе. Жена у меня актриса, в интонациях разбирается. Заготовил ответ и вошёл с постиранными наушниками в комнату, чтобы торжественно разоблачить её заблуждение, но ничего не сказал и не разоблачил: укладывая сына, жена уснула тоже.

В соцсети наткнулся на пост знакомой. Мать двоих детей. Пропагандирует самоизоляцию. Мол, люди – милые, дорогие, родимые, – не выходите, умоляю вас, из комнаты! Ведь месяц просидеть дома, когда можно заказать еду из любого ресторана и продукты из любого магазина – это так просто и радостно! Разве не этого мы всегда хотели, не к этому ли стремились?! Знакомая не понимает, как можно выходить из дому – на работу ли, в магазин ли, – когда все блага цивилизации предоставлены на радость потребителю, да ещё с доставкой на дом. Идеальный вариант: изолируйся и лишь потребляй, и этим ты спасёшься и спасёшь остальных. Спасение – в потреблении на дому.

Вроде бы верно пишет, чем меньше контактов, тем лучше, но есть, как в том анекдоте, нюансы. Знакомая эта забыла упомянуть о своём свёкре, купившем их молодому семейству не то третью, не то четвёртую квартиру. Оплатил он, конечно же, и ремонт, и покупку мебели и техники, застраховал всю семью на год, приобрёл под Барселоной особняк и взял своего сына себе же в заместители с начальным окладом в 850 тысяч рублей. Видимо, чтоб не зазнавался парень и вообще – знал цену деньгам. Знакомая же эта прибыла в Петербург из Ижевска лет десять назад, замужем – три года. Сама – из простой рабочей семьи. Как быстро, однако, реформатируется (а иногда и переписывается) в человеческой голове архив прожитого. И укладывается новыми рядками новый порядок, целый мир, в котором всякий, не выходя из комнаты, может месяц заказывать устриц, гребешков, мраморную говядину и бургундское с доставкой. И в новой этой голове папа, едва вернувшись с какого-нибудь Ижмаша, ест уже не сосиски с макаронами под майонезом, а заказанный через приложение шашлык из осетра под Бароло. Это ведь доступно всем, разве не? Только захоти! Здорово же.

Соседа Серёгу выписывают послезавтра. Стоял днём у окна, глядел во двор. Подозвал жену. Смотри, говорю, на машины. Оля смотрит и понимает, о чём я (молчит и кивает). Машины стоят мокрые и словно приболевшие. Фары, будто заплаканные, покрылись испариной. «Нам так плохо без тебя, хозяин!» – вопят они немо. Избаловал их Серёжа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.